

ВОЛНЫ от рыбацкого суденышка, скользящего по серой глади Оби, мягко, наперегонки бежали на песчаный берег и, обессилив, лениво скатывались обратно в реку. Провожая их взглядом, теплым и добрым, как старых друзей в далекую дорогу (а они, волны, и в самом деле его давнишние спутники), Владимир Петрович не спеша, твердой походкой шагал к месту выбора невода. Что, казалось бы, особого в этой последней операции замата? Им счету нет за тридцать путин Звягина. Ан нет, спешит. И когда мотоневодник развернулся к берегу, бригадир даже прибавил шагу. Заметив наметанным глазом тяжелую, с выпирающими рыбьими боками мотню, от удовольствия помял в руках сигарету.

— Порядок! — Из знакомом руки позвал корм-приемщика: причаливай, мол, бери улов.

— Однако неплохо, —

МУДРОЕ правило рыбацкой жизни — отдавать работе всего себя без остатка — Звягин усвоил давно. Пожалею, даже с первого зимнего сезона. С рыбацким промыслом он знаком с детства. Родился и вырос на берегу Оби, в поселке Белогорье, что под Ханты-Мансийском. Как только наступали летние каникулы, сильного и смышленного парнишку взрослые брали на песок. И он работал, пока усталость не валила его на лодку. Тогда рыбаки сонного переносили к горящему костру, укрывали дождевиком: намажся, пусть отдохнет.

Не берусь судить, да и сам Звягин толком не знает, то ли это была попытка приобщиться к будущей профессии, то ли мальчишеская потребность помочь взрослым. Время-то было тяжелое, на всех работах трудилась женщины; мужики дрались на войне с фа-

шистами. И потому на животноводческой ферме, на полях, на рыбацком промысле людей не хватало, рады были и ребятишкам. По истечении многих лет (он уже работал летом на покосе, зимой конюшню, позднее вместе с родителями переехал в Сытомино, в путину ходил звеньевым), вернувшись с армейской службы, долгими вечерами при керосинке сидел с родителями, кумекая о житье-бытье.

— Учиться бы надо, сынок. Все глядишь, какая-то специальность будет, — подкладывая картинку в «мундирах», тихонько роняла мать.

— Так-то оно так, — дымя самосадам, соглашался Звягин — старший. — Помогать вот только надо нам. Вон сколько их на лавке сидит... Босы, наги.

— Может, и переберемся, — не сдавался мать. Дверь растворилась, и на пороге встала раскислая рыбозавода.

— Владимир, тебя директор вызывает.

— А я не нанимался к нему на работу, — серьезно ответил Звягин-младший.

— А ты пооди, сынок. Он мужик башковитый, войдет в положение, может, и на учебу определит.

Александр Дмитриевич Чащин поздоровался с Владимиром как со старым знакомым. Расспросил, где служил, в каких войсках.

— Все верно, мужик, надо учиться. Специальность путною получить не мешает. В науке жизни край надо постигнуть. Вот с этого мы с тобой и начнем. Поедешь звеньевым на зимовку. На озере Саутор.

— Сразу и звеньевым, — возразил Звягин. — Поди, и постарше есть.

— Их-то и дадим тебе в напарники.

...Не училище, а прогрессивному техникуму одолел Звягин на зимовье.

В звене было семь человек, четверо женщин, по оргнабору приехали на Север. Их и бросили на

выбодобьку, в которой они ни оном, ни духом не ведали. Бааго, что руки к тяжелой работе привыкли да характером покладежные, смущаясь командира, как они полусушутя — полусерьезно величали Владимира (одет был в солдатскую гимнастерку без погон, но туго заправленную под кожаный ремень и в галифе).

— Распорядок принимаем следующий, — собрав свое воинство, обратился звеньевый. — С утра отправляемся проверять ловушки, ремонтируем, снова выставляем, сортируем и обрабатываем рыбу. После, как утрямимся, заготавливаем древесину для нашего дома. И сами строим. Ко мне вопросы есть?

— Какие ж мы плотники? — залилась смехом остроглазая, бойкая на язык Анка (не только по имени — по характеру вылитая чапаевская Анка — пулеметчица).

Двое суток без сна и отдыха пластались, чтобы восстановиться...

— И все-таки везет?

— Вроде ежегодно план перевыполняем. Бригада не обижается.

— Но ведь и бригада не всегда довольна вся...

— В основном надо подбирать костяк, чтобы были звеньевые, подобранные хорошие капитаны на судах. К примеру, капитан Николай Семенович Барчуков, всегда в добром здравии, под стать ему механик Николай Ганшин. Звеньевые Валерий Гиниатулин, Владимир Торшин — молодые парни, но трудолюбивые, к работе относятся безотказно. И еще старший ловец. У нас он местный, Павел Иванович Педихин: может с неводом работать, чинить, где-то кибас потерялся —

человеческое терпение? Сколько просили, требовали почистить песок? Ни ответа, ни дела. Ящиков не хватает, суда за рыбой приезжают с большим опозданием. Разве не радировали?

Владимир Петрович как бы выдохся, помолчал, насупив брови. Молча ушел из избушки, сел в мотоневодник и уехал на замет тони.

— Пока не угомонится внутренне, не лезь к нему с расспросами, — предупредила меня Владимир Торшин. — Шибко уж он все к сердцу принимает.

Можно и иначе поступить. Не оказалось на песке соли, не привезли топлива для судов, нечем чинить невода... Ну и что? Заявки сделаны, пусть начальство думает, шевелится. Нет, не по

● НА КОНКУРС «ЛЮДИ НЕФТЯНОГО КРАЯ»

ЗВЯГИНСКИЕ ПУТИНЫ

не удержался и я отво-торга.

— Черпанули...

Звягин, как бы продолжая разговор, шевелил губами, чуть прищурив глаза. Наверное, что-то прикидывает в уме, подумалось мне, ведь в Сытомино, на рыбоучастке, подсказали, что бригада со дня на день выполнит пятилетку. А Владимир Петрович молчал, даже отмахнулся от настойчивого приглашения капитана судна. Рыбаки подогнали лодку к мотоневоднику, забрели в лоду и выбирали улов. Сверкая серебром, выпрыгивали из воды юркие сырки, жадно хватая воздух ленивые муксуны.

Звягин крупными шагами спустился с берега, разбрызгивая воду, вскарабкался на мотоневодник. Хлопнул по плечу звеньевского и на радостях выпалил:

— Ну, молодцы!...

— Ты че, Петрович? — уставился на него Валерий Гиниатулин.

— Как че? Пятилетку в этой тони закрыли. Это ты соображаешь?

Запумели рыбаки. Заприплясывали. Прибаутики, шутки досыпались.

— Как малые дети. А еще передовая бригада!..

И, как будто забыв о собственной радости минуту назад, Звягин строго прикрикнул на звеньевского:

— Давай на замет!

Сам прыгнул в лодку, поднес спичку к потухшей сигарете. И на лице снова отпечатались заботы.

— Похоже, не сахаром посыпана рыбацкая дорога? — присаживаясь рядышком, заметил я. Владимир Петрович покуривал, наблюдая пляску волн на реке. Потом пожегил, резко стряхивая груз раздумий.

— Тяжел рыбацкий хомут. Вода, сырость. Сейчас осень — холода, весной — снег, ветер. Однако, когда рыба идет, хоть с неба камни валились, все равно выйдешь на пляж.

Звягин не впервой на нее заглядывался: прагматичность ему.

— Осилим, — в голосе чувствовалась твердость, а в душе — сомнение.

Но неуверенность исчезла, как только впряглись в работу. Особенно спорно рубили дом, будто всю жизнь только и делали, что плотничали. Мужики оседают угол сруба, женщины с криком: пошла, пошла, милая!.. — поднимают наверх ошкуренную лесину. Забьют пазы мохом, сеном — и глядишь, на ряд подрост дом.

Поставили двери, окна, печь сложили, скодотили нары. Когда комната нагрелась, засветилась от лампы, женщины в голос: — Командир, новоселье не грех и отметить!

— Верно, бабоньки. Но отложим. Через месяц мне в Сытомино, по возвращении и сделаем новоселье.

Звягин исполнил обещание. Справили новоселье и... свадьбу: пожендились Владимир с Анкой.

УЧИЛСЯ Звягин и в «институте». Аудиторию ему заменяли рыбацкие уголья, сессии — студеная зимовка и комаринная путина, учебники — люди и суровая северная жизнь.

— Не жалеете, что так сложилась жизнь?

— Нет, конечно, нет.

— А не устали? Ведь ранней весной и глубокой осенью — на воде, зимой — на морозе.

— Желание есть до пенсии доработать на добыче.

— Хоть и нелегкая, но интересная работа, а вот людей на промысле не хватает.

— Верно: рыбачат с желанием июль, август, половину сентября. Потом холода, снег, ветер — самый трудный период осенью. Пару лет назад был случай. Промышляли на Салыме. За осморт брали по 800 килограммов рыбы. И вдруг подул ветерок, положены на реке, сорвало и понесло. И за каких-то пятнадцать минут все перетины сорвало...

привяжет, заметил дырку в неводе — устранит.

— А бригадир?..

— Ну и самому надо постоянно быть на песке, следить за ходом неводов, как люди работают, в каких условиях.

...На рыбацком стане — собрание. Не торжественное, не юбилейное: приехал на промысел заместитель директора рыбокомбината А. А. Новопашин — накопилось много вопросов. Все непринужденно, без трибуны и красной скатерти. Кто сидит и чинит болотники, кто крепкий чай заваривает. И, не вставая с насиженных мест, не придерживаясь регламента, говорили о проблемах. С доводами, с болью, накипевшей в душе.

— Все записал, Александр Андреевич? — обратился Звягин. — Говорят, что бумага все стерпит. А зачем испытывать



путру позиция равнодушия Звягину. Люди-то должны работать, планы большие спускают, да и соперники на других промыслах подобрался — того и гляди обгонят. А коли не заботиться о людях, пренебречь их интересами — не ходить в передовиках, не завоевывать вымпел в республиканском соревновании, не брать высоких уловов.

...Суденышко медленно тащится по Оби, волоча за собой тяжелый невод. Звягин весь внимание: какой-то улов? А может, его одолевают думы о зимовке где-нибудь на далеком озере, ведь путина-то на исходе.

А. ЗУБАРЕВ.

На снимке: бригадир передовой рыболовецкой бригады из Сытомино В. П. Звягин.

Фото В. Войничкова

И долгий путь
Бывает
Правым,
Когда, не прячась
от людей,
Пройдешь уверенным
и здравым
По перекресткам
дум и дней!
Одни
Махнут руками:
«Поза!..»
Другие скажут:
«Из села!..»
Но эта уличная проза
Не опечалит мне
чела.
Не отведу от жизни
Взгляда!..
У нас
У всех
Свои пути.
Одни лежат, как
рельсы, рядом...
Но сколько стрелок
вперед?!

● ПОЭТИЧЕСКАЯ РУБРИКА



Петр СУХАНОВ



Время
Всех нас рассудит, и
По местам расстави-
в эпохе, —
Это точно!..
И мы не боги,
Чтобы требовать
вечной любви!..
Было.
С каждым случается.
Но,
Видимо, в том-то и тайна,
Что иногда — случайно...
Было.
Давным-давно!..
Вот и сейчас — осень
И дождь.
(В солнце стреляют
в тире!..)...

Женщина в теплой
квартире.
Все остальное — ложь!..
Я подхожу к ней ближе.
Рву
Мыслей скрипучие
створки!..
Рупится свет...
Как осколки,
Светятся чувства...
Переживу!..
Переживу
Навалившийся век!..
Завтра — карьер.
И снова — гонки!..
Пусть поживут потомки!..
Время
Рассудит всех.

